

УДК 745/749

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ БАШКИРСКОЙ МУЖСКОЙ ШАПКИ КОЛАКСЫН

Камалиева Айгуль Салаватовна, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии и конструирования одежды, Уфимский государственный университет экономики и сервиса (г. Уфа, РФ).
E-mail: 456kostum@mail.

Костюмные комплексы башкир, известные современной науке, отличаются большим разнообразием и глубокой традиционностью композиций и форм, сложившихся в непростых историко-культурных и этнических условиях Южного Урала. Особый интерес представляют мужские шапки, в частности малахай *колаксын* и связанный с ним общностью происхождения *колэпэрэ*, сохранившие черты сурового и мужского стиля, характерного для жителей южноуральских степей с их сложными природно-климатическими условиями. Уже к началу прошлого столетия *колаксын* стал постепенно выходить из употребления, сохраняясь лишь в тех районах, где разведение лошадей и овец оставалось единственным видом хозяйствования. Конструктивная основа, в совершенстве приспособленная к ветреному и морозному климату степей, изготавливалась традиционно из верхней части, наушных лопастей и задней широкой детали, надежно закрывавшей спину. При этом, несмотря на существование подобных конструктивных аналогов в шапках казахов и ряда народов Сибири, существенным отличием башкирских малахаев является их высокая тулья. Верхушка шапки, созданная за счет длинных узких клиньев, могла быть немного наклонена вперед, отведена назад или оставалась строго пирамидальной. Особую выразительность шапке придавало сочетание материалов (меха, кожи и ткани), контрастных по цвету, фактуре и пластике. Исследуя источники происхождения подобной формы шапок, также основываясь на последних исследованиях исторического развития края, в статье делается вывод о том, что, возможно, «вытянутость» малахаев есть наследие культуры ранних кочевых племен, известных под названием саки, массагеты и «ортокорибантии», или «носящими острые шапки». Сравнительный анализ головных уборов ранних кочевников и современных башкир позволяет выявить ряд общностей, таких как одинаково вытянутая форма шапок, используемая исключительно в степной среде, и также способ закрепления верхней части с помощью войлока. Следует отметить, что высказанное предположение требует дополнительных исследований в различных направлениях, однако уже сейчас можно констатировать несомненную связь художественного стиля и геометрической формы рассматриваемых уборов с таковыми ранних кочевников (саков и массагетов), признаваемых в научных кругах возможными древнейшими предками башкир.

Ключевые слова: башкиры, материальная культура, шапка, костюм, одежда, Южный Урал, колаксын, войлок, мех.

ARTISTIC EXPRESSION OF BASHKIR MEN'S HAT KOLAKSYN

Kamaliyeva Aigul Salavatovna, PhD in Techniques, Associate Professor of Department of Technology and Garment Designing, Ufa State University of Economics and Service (Ufa, Russian Federation). E-mail: 456kostum@mail.

Our reference to the theme of Bashkir men's garments, particularly headwear, is largely conditioned by insufficient safety of ancient exhibits in museum storerooms, the collections of which are sometimes represented by a small number of exhibits dated back to the XX century. At the same time, ancient hats made of fur and felt are particularly treasurable as examples of hats accumulating the traditional values and concepts of manliness formed in complicated historical, natural and climatic conditions of the Southern Urals and thus being of particular scientific interest for scholars of all fields.

The aim of our research is the analysis of Bashkir fur hats to find out the source of origin of characteristic prolate form of Bashkir hats basing on comparative analysis of headwear of the Bashkir early tribes inhabiting the territory of the Southern Urals in ancient times.

The scientists distinguish such peculiarities of decorative and design solution of Bashkir hats *kolaksyn* and *kolepereh* as elongation of the hat crown, the shape of which might be strictly pyramidal or slightly leaned forward. This peculiarity in its variations is characteristic for all types of Bashkir hats, except for *tubeteyka* (Bashkir cap), that undoubtedly points to high antiquity of the tradition. The author of the article supposes that the influence of culture of early nomadic tribes which inhabited the territory of the Southern Urals at the turn of our era, according to the latest investigations of distinguished scientists, might be ancient ancestors of the Bashkirs, might form a historical background for the development of high hat shape. The comparative analysis of headwear of the Bashkirs and early nomadic tribes has revealed similarity of certain artistic devices in hat manufacturing, including the shape and methods of adding volume to the hat crown.

Keywords: Bashkirs, material culture, hat, costume, garments, the Southern Urals, kolaksyn, felt, fur.

Во всем многообразии башкирских мужских шапок из меха и ткани особо выделяется старинный головной убор под названием *колаксын*, или меховой малахай. Большая, высокая шапка с богатой меховой опушкой и длинной наспинной частью была известна еще «с глубокой древности у степных кочевников-скотоводов» [6, с. 147]. Другой убор, также связанный с *колаксыном* общностью происхождения, но изготовленный исключительно из войлока, назывался у башкир *колэпэрэ*.

Упоминания о башкирском малахае часто встречаются в работах исследователей XVIII–XIX веков, так одним из первых войлочный малахай в своем труде описал И. Г. Георги [1, с. 102], сравнивая шапку с голландской корабельной шляпой (1799). Позднее Н. Попов [5, с. 17] указал на широкое применение башкирами остроконечных меховых малахаев, крытых сукном и плисом (1813). В. М. Черемшанский (1859), характеризуя башкирскую одежду как «нередко щеголеватую» и вместе с тем консервативную, не подлежащую изменениям моды, указал на существенную социальную разницу в головных уборах мужчин, у

которых «форменные фуражки, и казачьи шапки с красным верхом, и простые суконные шапки с меховым околышем, и цветные колпаки с лисьим околышем, и войлочные конусообразные шапки, какие носят и на службе, и малахаи на меху» бытовали преимущественно в costume богатых башкир, а бедные круглый год не снимали «своей кошомной шапки», и в зимнее время одевали еще и превосходно приспособленные для ветреного степного климата малахаи [7, с. 154]. О жизни степных и лесных башкир писал в свое время Д. П. Никольский, научный труд которого, точнее диссертация на степень доктора медицины, «Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование» была опубликована в 1899 году. По словам автора, из употребления была полностью выведена мужская шапка – малахай, вместе с тем незаменимой стала тюбетейка (аракчин), которую башкиры носили на протяжении всей жизни [4, с. 54]. Уже в начале XX века вышел в свет фундаментальный труд С. И. Руденко под названием «Башкиры» (1925), в котором были изложены основные результаты

многолетних исследований этнографии башкир конца XIX века. В частности, ученым на основе материалов многолетних экспедиций была определена территория бытования шапки и выделены особенности ее художественного и конструктивного оформления [6, с. 146–147]. Приобретенные ученым во время полевых работ экземпляры меховых и войлочных малахаев и сегодня составляют основу мужской коллекции башкирской одежды отдела этнографии Поволжья и Приуралья в Российском этнографическом музее г. Санкт-Петербурга. Некоторые из них позднее были описаны в работах С. Н. Шитовой, например в сводном труде «Башкирская народная одежда» (1995). Ей же принадлежат научные выводы о генезисе башкирского малахаея и его эволюции в костюме, так, например, она склонна считать источником происхождения колаксына древних тюрков, через которых он «перешел в костюм некоторых современных тюркоязычных народов» [9, с. 107].

Колаксын и *колэпэрэ* представляют большой научный интерес как объекты искусствоведения, рассматриваемые в художественном и семиотическом аспектах. Отличительной чертой башкирских шапок в целом и малахаев в особенности является вытянутая сверху форма [8, с. 90], создаваемая за счет узких четырех клиньев, составлявших верхнюю часть шапки. К верхней части спереди пришивали козырек, полностью прикрывавший лоб, с боков – так называемые наушники – широкие детали закругленной формы, сзади – такой же формы наспинная лопасть. Видимо, вытянутость формы имела особое значение для башкирских мастеров, о чем свидетельствует традиция изготовления верхней части лисьих малахаев из войлока, благодаря которому тулья сохраняла «свою высокую почти пирамидальную форму» [6, с. 147]. В целом же *колаксын* изготавливали из лисьего или бараньего меха и покрывали сверху материей чаще красным или черным сукном, а декоративные элементы в виде полос красной материи (на войлочных малахаеях) или позумента, расположенные по швам, подчеркивали конструктивные особенности и колоритность шапки.

Особо роскошным и выразительным лисий *колаксын* выглядел в сочетании с богатой шубой из меха выдры, покрытой дорогим сукном. Широкая лисья опушка, мягко обрамляющая лицо, выгодно оттеняла темную ткань верха и прида-

вала убору дополнительный объем. Боковые и задняя лопасти шапки создавали плавный переход к верхнему костюму, тем самым образуя гармоничный ансамбль, объединенный единством художественного стиля, фактуры ткани и декоративных линий. Это же характерно и для *колэпэрэ*, который предпочитали одевать в комплекте с войлочным чекменем, изготовленным из белой или коричневой шерсти.

Особое внимание стоит уделить вопросу генезиса башкирских шапок, ответ на который, несомненно, прольет свет на решение другой проблемы – семантики убора и его значения в жизни башкир. Справедливо утверждение С. Н. Шитовой о том, что «своим происхождением *колаксын* связан со скотоводами степной полосы Азии и Европы» [8, с. 94]. Действительно, сложенная веками форма шапок была прекрасно приспособлена к суровым климатическим условиям евразийских степей, объединенных также общим названием пояса, частью которого является и Южный Урал. Вместе с тем подобная вытянутость формы головных уборов характерна шапкам ряда народов Сибири, например, якутов, нивхов, удыейцев [9, с. 106], однако в отличие от башкирских сибирские шапки кроились из двух одинаковых половин (то есть верхушка и лопасти были цельнокроеными), а у башкир они заготавливались отдельно. Внимание ученых привлекла особенность кроить верхнюю часть непременно из четырех клиньев, что характерно также для казахских шапок. Однако последние исследования в области этногенеза башкирского народа позволили по-новому взглянуть на происхождение «пирамидальной» формы уборов и связать его с древними племенами саков и массагетов – ранних кочевников степного мира (VI–IV века до н. э.).

Одной из характерных особенностей костюма саков являлись именно островерхие шапки, из-за которых массагетов называли «ортокорибантии», или носящие острые шапки. Исторические свидетельства бытования подобных шапок у ранних кочевников принадлежат многим летописцам того времени, в их числе «отец истории» Геродот. В его письменных источниках оставлены ценные сведения о наличии в костюме саков островерхих конических головных уборов как у скифов, сравниваемые с островерхими плотными прямо стоящими тюрбанами. Скифы носили «головные уборы – остроконечные шапки-башлыки,

закрывавшие уши, затылок, шею, со слегка наклоненным вперед надо лбом заостренным верхом, иногда завязывавшиеся у подбородка» [2, с. 13]. **Возвышение в теменной части головного убора** успешно использовалось скифами как боевой шлем или как отличительный знак, для чего на верхнюю часть убора одевали «цилиндрические футляры с рельефными изображениями» [2, с. 13], или же украшали его множеством декорированных золотых пластин. С. А. Яценко, анализируя одежду ахеменидо-скифского времени (VII–VI века – IV–III века до н. э.), приводит сведения о том, что у персов, как и у родственных им восточных соседей саков, наиболее популярным видом головного убора был «кочевнический башлык в виде высокого войлочного конуса (*tyaga*)» [10, с. 58]. Однако в отличие от персов у саков башлык изготавливался из плотного грубого войлока, благодаря чему форма убора сохраняла остроконечность в верхней части.

Башлыки, подобные уборам скифских лучников «с ровным краем надо лбом, узким назатыльником и обычно тонкими завязками наушниками по бокам», существовали в иранской культуре, точнее у кочевников Западного Туркестана – саков-тиграхауда, или «острошапочных» [10, с. 58]. Интересно, что данные головные уборы, принадлежащие предполагаемым ранним скифам, в число которых входят «кочевые ираноязычные народы (“саков”) Западного Туркестана (саки-тиграхауда и “заморские”)... “саков” Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири» [10, с. 59], отличались от костюма «классических» скифов. Так или иначе высокий остроконечный головной убор был характерен для костюма большинства племен – носителей «скифской культуры».

О такой же удлинённости верхней части башкирских мужских шапок пишут исследователи современности [8, с. 90]. Наиболее близкой по форме и ближайшей этнографической аналогией скифскому башлыку, признанной учеными, является старинная мужская шапка башкир «*колаксын*» и «*колапарэ*», традиционная для жителей степей, занимавшихся отгонно-пастбищным хозяйством на территории Зауралья [2, с. 13]. Следует учесть, что башкирский *колаксын* был распро-

странен повсюду за Уралом, преимущественно у юго-восточных, демских и зауральских башкир [9, с. 106], за исключением районов в бассейне р. Уфы и нижнего течения р. Белой [6, с. 147].

Многочисленные гравюры и зарисовки башкирских воинов, служивших в Оренбургском казачьем войске, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, дают ясное представление о своеобразии головных уборов башкир, не только малахаев, но и других островерхих шапках. Очевидно, что традиция «вытягивать» верхнюю часть убора родилась в глубокой древности и сохранилась до начала XX века, а в некоторых видах до настоящего дня. Возможно, что конструктивная основа башкирских шапок берёт свое начало от головных уборов, принадлежащих скифской культуре, точнее племенам саков, дахов, массагетов, в которых ряд ученых историков видят древних предков башкирского народа [3, с. 36–41], однако данное предположение требует дополнительных научных исследований.

Завершая краткий обзор художественного своеобразия традиционных старинных шапок башкир *колксына* и *колэпэрэ*, отметим, что данные головные уборы, сложившиеся в культуре кочевых племен Великого пояса евразийских степей, несомненно, сохранили отпечаток боевого духа древних кочевников – одновременно воинов и скотоводов. В малахае *колаксын*, характерном своей аскетичной строгостью и красотой функционально обусловленной формы, нашел отражение традиционный для башкир культ коня. Примечательно, что и слово «мужчина» во множественном числе, или «мужской пол» («ир-ат») с башкирского дословно переводится как «мужчина (ир) – конь (ат)», что, безусловно, свидетельствует о первостепенной роли коня в жизни башкир уже в древнейшие времена. Ему посвящались старинные эпосы и легенды, его наделяли магической силой, о нем пели песни, его хоронили рядом с хозяином. Он был вечным спутником мужчины в обоих мирах, и, возможно, это послужило рождению вытянутой формы шапки, как символа головы коня, как некоего атрибута связи с крылатым конем Акбузат, как сакрального оберега, приносящего удачу в сражениях.

Литература

1. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – СПб., 1799. – Ч. 2. – 158 с.
2. Древняя одежда народов Восточной Европы / отв. ред. М. Г. Рабинович. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

3. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. – Уфа: Китап, 2007. – Т. 1: **История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века.** – 488 с.
4. Никольский Д. П. Башкиры: этногр. и санитар.-антропол. исслед. – СПб., 1899. – 347 с.
5. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. – СПб., 1813. – Ч. 3. – 195 с.
6. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этногр. очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
7. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – 472 с.
8. Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. – Уфа: Китап, 1965. – 240 с.
9. Шитова С. Н. Формирование и развитие башкирского народного костюма [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: утв. 17.05.1968. – М., 1968. – 259 с.
10. Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

References

1. Georgi I.G. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov [A description of all the Russian state peoples inhabiting]. St. Petersburg, 1799, part 2. 158 p. (In Russ.).
2. Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy [Ancient clothing of the peoples of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p. (In Russ.).
3. Istoriia Bashkortostana s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 1. Istoriia Bashkortostana s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka [The history of Bashkortostan from ancient times to the present day. Vol. 1. The history of Bashkortostan from ancient times to the late nineteenth century]. Ufa, Kitap Publ., 2007. 488 p. (In Russ.).
4. Nikol'skii D.P. Bashkiry: Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie [The Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological study]. St. Petersburg, 1899. 347 p. (In Russ.).
5. Popov N. Khoziaistvennoe opisanie Permskoi gubernii [Economic description of the Perm province]. St. Petersburg, 1813, part 3. 195 p. (In Russ.).
6. Rudenko S.I. Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa, Kitap Publ., 2006. 376 p. (In Russ.).
7. Cheremshanskii V.M. Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskome, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniiakh [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. (In Russ.).
8. Shitova S.N. Bashkirskaiia narodnaia odezhda [Bashkir folk clothing]. Ufa, Kitap Publ., 1995. 139 p. (In Russ.).
9. Shitova S.N. Formirovanie i razvitie bashkirskogo narodnogo kostiума. Diss. kand. ist. nauk. [The formation and development of the Bashkir national costume. PhD in history sci. diss]. Moscow, 1968. 259 p. (In Russ.).
10. Iatsenko S.A. Kostium drevnei Evrazii: iranoiazychnye narody [Costume of ancient Eurasia: Iranian peoples]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006. 664 p. (In Russ.).